

С этой своеобразной сферой умолчания связано то, что мы как бы не замечаем те формы солидарности, которые присутствуют в обществе модерна, — например, республиканской солидарности, полисного типа, или национальной. Все, что не укладывается в шаблон либерально-демократической идеологии, мы оттесняем в прошлое и называем «традиционным обществом». В связи с этим я не согласен с определением советского общества как традиционного, данного обоими докладчиками. Главная черта модерна — это понимание жизни, мира и общества как проекта. Советский человеческий тип (кстати, это же можно сказать о фашистском проекте) — это максималистская версия человека модерна. Ее максимализм заключен в попытке поставить человека вровень с достигнутым беспрецедентным могуществом технической сферы, сделать ее послушным инструментом в своих руках, чтобы создавать мир как проект. Это колоссальная, модернистская по духу амбиция тоталитарных идеологий, не увенчавшаяся, как мы знаем, успехом. Но тоталитарные идеологи были правы в одном. В том, что если человек не совладевает с могуществом технической сферы, как ее демиург, то она его раздавит и аннигилирует. К сожалению, эти опасения были не напрасны.

«Переоткрытие» социализма и коммунизма как ответ на кризис либерализма и консерватизма

А.Н. Окара, кандидат юридических наук

Для нашего поколения есть два слова, которые вызывают абсолютную ненависть, неприятие и идиосинкразию. Именно они — тема сегодняшнего обсуждения. Это коммунизм и социализм.

Лично я коммунизм и социализм стал воспринимать как социальные проекты, а не ругательства, лишь в самое по-

следнее время — столь тяжела постсоветская инерция, столь прочно эти два слова ассоциировались (разумеется, не всегда обоснованно) со всем тем, что нам не нравилось при советской власти — с политическим репрессиями, очередями, соцреализмом, комсомолом, партсобраниями, брежневским «застоем», горбачевской «перестройкой» и прочее и прочее.

Возможно, именно теперь, когда в России исчерпаны и либеральный проект (благодаря Ельцину), и консервативный (благодаря Путину), о социализме и коммунизме можно говорить как о социально-политических и политэкономических учениях, а не как о нашем реальном жизненном опыте.

В докладе С.Г. Кара-Мурзы, как мне показалось, ключевая мысль выведена в самом конце, где речь о перспективе создания в современной России сильной социал-демократической партии, совмещающей социал-демократию с общинностью русского коммунизма и способной завоевать культурную гегемонию. Вне зависимости от политической возможности реализации подобного проекта, мне кажется, что сам тип идеологии, о которой говорит Сергей Георгиевич, может интерпретироваться как авторитарный или слабототалитарный, поскольку предполагается некий властный субъект, чья легитимность не является производной от наличествующих реалий и обстоятельств, а происходит от некоего трансцендентного источника.

Мне кажется, такой комплекс идей хорошо вписывается в идейный и идеологический контекст 1990–2000 гг., когда в России в контексте деидеологизации под видом либерализации и архаизации общества начали возникать идеократические тоталитарные утопии (говорю об этом без какой бы то ни было негативной оценки). Например, «евразийский» проект Александра Дугина, «византийский» проект Аркадия Малера; в этом же контексте можно говорить и о трудах С.Г. Кара-Мурзы о советской цивилизации.

Но для подобного социального и политического проекта необходим субъект — необходимы люди, которые были бы носителями этих ценностей. В принципе, таких людей можно

обнаружить в современных реалиях. Если в постиндустриальном обществе основной объект, вокруг которого складывается «мейнстрим» общественной борьбы, — это нематериальные ресурсы, интеллектуальная собственность, то главные революционеры — это хакеры, пираты и прочие грабители интеллектуальной собственности, т. е. те, кто пытается частное сделать всеобщим. В Средние века авторства практически не было. Автор текста — это ретранслятор божественного импульса, он просто записывает. Категория авторства — это феномен Модерна. Речь о том, что хакеры и люди, которые пытались концептуализировать эту идеологию и это мироощущение, тоже апеллируют к тому, что автором является Творец, Господь, а писатель или программист — это автор, ретранслятор.

В докладе С.Г. Кара-Мурзы мне понравилась попытка разграничить коммунизм и социализм. Понимаю, что эту попытку можно легко раскритиковать, опираясь на тексты «мейнстримовых» социалистических и коммунистических теоретиков. Однако подобная попытка концептуализации мне кажется заслуживающей внимания.

Так, социализм рассматривается как продукт Модерна, реформации и протестантизма, а коммунизм — как феномен домодернового общества. И хоть по своей онтологии они различны, по своим социальным проекциям они трудноразличимы — особенно в нашем советском прошлом. Советскую историю можно описать сквозь призму достижений советского народа и нового человека, созданных дискурсами коммунизма и социализма, а, с другой стороны, как репрессивную систему власти, построенную на терроре как основном механизме управления. Смешение, а точнее, неразделение этих способов описания советской действительности у Сергея Георгиевича и являются, как мне кажется, самым уязвимым местом его концепции.

В докладе В.М. Межуева мне кажется принципиально важной, фундаментальной идея о свободном времени и «праздном классе» как предпосылке и условии модернизации.

ционного развития. Фактически это о теории «креативного класса», но в интерпретации Маркса, а не Ричарда Флориды. Свободное время, которое направлено не на самовоспроизводство, а на некую «избыточность бытия» — на научное, художественное, социальное и прочее творчество.

И еще крайне важная мысль: социализм в условиях догоняющей модернизации превратился в то, что мы помним по советскому прошлому — гипербюрократизированное государство, тоталитарный режим, господство технократических подходов. Но в условиях не-догоняющей модернизации социализм решает не столько технологические или экономические, сколько культурные задачи. Ведь в контексте капитализма эти задачи решить проблематично — там культура с неизбежностью скатывается к шоу-бизнесу (в широком смысле слова), т. е. культурный процесс является производным от капитализации.

Надо заметить, что проблематика популярных нынче концепций «человеческого капитала» и креативного класса — это экстраполяция христианских представлений о человеке как об образе и подобии Божьем. И здесь вырисовывается удивительная параллель между марксистской и христианской антропологиями: человек есть сотворец, он обладает божественной искрой в виде способности к творчеству. Такой Маркс совершенно не похож на мрачного бородатого тоталитариста-поджигателя из наших воспоминаний советских времен.

Коммунистическая идея как поиск возможности обеспечить управляемый постиндустриальный переход

В.Л. Римский

Коммунистическая идея неоднократно получала самые разнообразные оценки и ее сторонников, и противников, и